История создания романа "Франкенштейн"

Абдуллаева Диана Боходировна
преподаватель кафедры
фонетика английского языка
Самаркандского института иностранных языков
Республика Узбекистан, г. Самарканд
E-mail: diana_abdullaeva@bk.ru

Мэри Шелли английская писательница, известная как жена поэта-романтика Перси Шелли и как автор книги «Франкенштейн, или Современный Прометей». Написанная почти два века назад, она оставила глубокий след в европейской и американской литературе. Сегодня можно смело сказать, что «Франкенштейн» стоит у истоков жанра научной фантастики. Это, обладающее мрачной, но необыкновенно сильной энергетикой повествование об ученом, уникальное изобретение которого обернулось трагедией для него и окружающих; это роман о великом свершении и роковой ошибке человеческого гения, он предвосхитил пессимистические мотивы ряда современных научно-фантастических произведений.

«The story of this ugly, larger-than-life, monstrous body raises complex questions of motherhood, fatherhood, gender, and narrative. The afterlife of the novel in the popular imagination has been intensely focused on that monstrous body, to the extent that the name «Frankenstein» tends to evoke not the unfortunate overreaching young scientist Victor Frankenstein but his hideous creation«[4, pp. 24-35].

Не случайно уже в XX веке к этому сюжету обращались многие писатели, а сама повесть была многократно экранизирована. Виктор Франкенштейн — главное действующее лицо романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818), а также персонаж (выступающий в том числе под именами Генри Франкенштейн, доктор Франкенштейн или барон Франкенштейн) множества книжных, драматических и кинематографических адаптаций его сюжета.

После выхода романа появилось много версий о том, кто на самом деле его автор. По некоторым из них роман написал лорд Байрон, по другим — муж Мэри Шелли Перси. Но позже было признано, что автором является сама Мэри Шелли. По данным биографов роман был написан случайно дождливым летом 1816 года на Женевском озере. Компании, состоявшей из поэта Перси Биши Шелли, его жены Мэри, ее сводной сестры Клэр, а также поэта лорда Байрона и его врача Джона Полидори, пришлось немало времени провести дома. Для развлечения читали вслух и обсуждали «страшные» истории о привидениях и кровавых убийствах; модные в те годы и широко печатавшиеся в журналах (несколько изданий такого рода нашли в коттедже, где жили Шелли с женой). Лорд Байрон и Шелли часто и подолгу беседовали, а Мэри была их прилежным, но почти безмолвным слушателем. Однажды они обсуждали различные философские вопросы, в том числе секрет зарождения жизни и возможность когда-нибудь открыть его и воспроизвести. Они говорили об опытах доктора Дарвина (имеется в виду Эразм Дарвин (1731-1802), дед знаменитого естествоиспытателя Чарлза Дарвина); он будто бы хранил в пробирке кусок вермишели, пока тот каким-то образом не обрел способности двигаться. Решили, что оживление материи пойдет иным путем. Быть может, удастся оживить труп; явление гальванизма, казалось, позволяло на это надеяться; быть может, ученые научатся создавать отдельные органы, соединять их и вдыхать в них жизнь. Как-то Байрон предложил друзьям: давайте каждый напишет по такой истории. Все с энтузиазмом согласились. *«Я решила сочинить повесть и потягаться с теми рассказами, которые подсказали нам нашу затею. Такую повесть, которая обращалась бы к нашим тайным страхам и вызывала нервную дрожь; такую, чтобы читатель боялся оглянуться назад; чтобы у него стыла*

кровь в жилах и громко стучало сердце. Положив голову на подушки, я не заснула, но и не просто задумалась. Воображение властно завладело мной, наделяя являвшиеся мне картины яркостью, какой не обладают обычные сны. Глаза мои были закрыты, но я каким-то внутренним взором необычайно ясно увидела бледного адепта тайных наук, склонившегося над созданным им существом. Я увидела, как это отвратительное существо спервa лежало недвижно, а потом, повинуясь некоей силе, подало признаки жизни и неуклюже задвигалось. Такое зрелище страшно; ибо что может быть ужаснее человеческих попыток подражать несравненным творениям создателя? Тут я сама в ужасе открыла глаза. Я так была захвачена своим видением, что вся дрожала и хотела вместо жуткого создания своей фантазии поскорее увидеть окружающую реальность. Я не сразу прогнала ужасное наваждение; оно еще длилось. И я заставила себя думать о другом. Я обратилась мыслями к моему страшному рассказу — к злополучному рассказу, который так долго не получался!

О, если б я могла сочинить его так, чтобы заставить и читателя пережить тот же страх, какой пережила я в ту ночь!

И тут меня озарила мысль, быстрая как свет и столь же радостная: «Придумала! То, что напугало меня, напугает и других; достаточно описать призрак, явившийся ночью к моей постели».

«Все имеет начало», говоря словами Санчо; но это начало, в свою очередь, к чему-то восходит. Надо смиренно сознаться, что сочинители не создают своих творений из ничего, а всего лишь из хаоса; им нужен прежде всего материал; они могут придать форму бесформенному, но не могут рождать самую сущность. Творчество состоит в способности почувствовать возможности темы и в умении сформулировать вызванные ею мысли.

Наутро я объявила, что сочинила рассказ. В тот же день я начала его словами: «Это было ненастной ноябрьской ночью», а затем записала свой ужасный сон наяву" [5].

В течение нескольких вечеров Мэри рассказывала своим друзьям страшную и трагическую историю. Дж.Г.Байрон был поражён необыкновенным литературным талантом этой девятнадцатилетней женщины и посоветовал ей непременно записать свой вымысел. Так родился «Франкенштейн» замечательный роман об учёном, который во многом предвосхитил научную фантастику XX века.

«Франкенштейн» значительно выходил за рамки формы «готического» романа, образуя в английской литературе вместе с произведениями Скотта романтическую романную структуру на фоне широчайшего распространения поэзии. Избыточные описания жестокостей монстра могли бы в какой-то мере служить доказательством принадлежности романа Мэри Шелли готике, как об этом заявлял Д.Варма в книге «Готическое пламя: живая история готического романа в Англии, если бы не возвышенная интонация, свойственная именно романтической литературе [3].

Для более взвешенной оценки романа стоит учитывать тот факт, что это произведение возникает на стыке трех эстетических систем: Просвещения, готики и романтизма, поэтому вполне закономерно соединение структурно разнородных идеологем и художественных приемов.

Роман получил высокую оценку знаменитых современников писательницы. Байрон отметил, что это произведение

«*удивительное... для девочки девятнадцати лет. Нет, тогда ей еще не было девятнадцати*», — уточнил поэт [1].

Скотт, вначале приписавший книгу поэту П.Б.Шелли, то есть мужу романистки, отметил:

«*Это необычный роман, в котором автор, как нам кажется, обнаруживает редкую силу поэтического таланта*». Узнав позже о своей ошибке, он писал в «Эдинбургском обозрении»: «*Для*

мужчины это превосходно, а для женщины удивительно» [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байрон Д.Г. Дневники, письма. — М., 1963.- 165 с.
2. Скотт В.: http://anastasia.mybb2.ru/index.php?show=97315
3. Varma L. The Gothic Flame: Being a History of the Gothic Novel in England.-L., 1957.-p.375.
4. Willis M. Frankenstein and the Soul Essays. — Oxford University Press, USA,1995.-pp. 24-35.
5. Ziolkowski T. Science, Frankenstein, and Myth Sewanee Review: http://www.literaryhistory.com/19thC/SHELLEYM.htm